
Д. С. Дугаров

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНОВ
ЮУРЭН, УУР, УУРИ

Одним из персонажей бурятского фольклора является Великая мать шаманского пантеона бурят, прабабушка бурятского народа *Эхэ Юурен иибиш*¹. В этом имени слово *эхэ* — общемонгольское «мать», *ибиш* — бурятское диалектное «мать»; подлинное же значение термина *юурэн* пока не выявлено. Попытку объяснить его недавно предпринял монгольский ученый Б. Ринчен. «Эхэ Юрин, Мать Юрин, божество забайкальских бурят, — пишет он, — считается супругой Эсэгэ Малан Тэнгри. Ее имя восходит к монгольскому титулу жены Чингиса „Еке, Ujin“ — „Мать Супруга“, где монгольское „üjin“ — старое заимствование из китайского „фу жень“, — супруга, госпожа... царская жена. В письменных монгольских текстах этот титул применяется к супруге Чингиса Бурте: „Bürte fūjin, Bürte üjin“, причем вторая часть этого титула „жень“ монголами была осмыслена как суффикс женского рода „джин, лджин“ и в старых текстах часто встречаются формы *Bürte müljin, Bürtegeljin*, — „Бюртемюлджин, Бюртегелджин“, где губные согласные „б“, „ф“, „в“, „п“, часто переходящие в губной „м“ или заднеязычный „г“, из „фюджин“ образовали в сочетании с именем Бурте Бюртемюлджин и Бертегелджин, а „fūjin“ — „фюджин“ в связи с утратой в монгольском языке инициальных согласных „б“ и „ф“ образовал форму „üjin“ — „юджин“. В дуктусе старомонгольского письма начертание „джи“ очень напоминает написание „р“, и, возможно, титул жены Чингиса „üjin“ был прочтен некогда древними бурятскими бийешинами как „юрин“ — „юрен“»².

С таким выводом Б. Ринчена трудно согласиться. Эхэ Юурэн — популярнейшее божество не только и не столько забайкальских, сколько прибайкальских бурят, которым старомонгольское письмо в столь отдаленные времена не было известно. Забайкальские же буряты — Б. Ринчен имеет в виду хори-бурят — прибыли, по данным их летописей, в пределы Забайкалья из Монголии лишь в начале XVII в.

Другая часть забайкальских бурят, селенгинцы, этого божества вовсе не знали. Имя Эхэ Юрин (точнее Эхэ Юурэн) донесли до нас мифы. А мифы, как известно, жанр очень древний, и ко времени создания монголами вертикального письма мифологическое мышление было для них уже давно пройденным этапом. Нет также данных о возведении бурятами Чингисхана в ранг верховного божества Эсэгэ Малана. В сознании бурятского народа и в его фольклорной традиции Чингисхан всегда был и остается конкретной исторической личностью. Поэтому точка зрения

¹ «Абай Гэсэр хубун. Эхирит-булагатский вариант», ч. 1. Улан-Удэ, 1961, с. 192.

² Б. Ринчен. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве. — «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века». Новосибирск, 1975, с. 192.

Ринчена, считающего, что бурятский термин *юурэн* происходит от китайско-монгольского *ййin*, а бурятское имя Эхэ Юурэн принадлежит супруге Чингисхана, представляется неприемлемой.

По нашему мнению, бурятский термин *юурэн* восходит к древнетюркскому *урун* — «светлый». Об этимологии термина *урун* нет единого мнения. Так, Е. И. Убрятова считает его общетюркским³, а Н. К. Антонов — исконно якутским, «имеющим параллель... лишь в древнетюркском „өрүн“ — „светлый, белый“»⁴. С. Е. Малов указывает на наличие этого термина в форме *jörün* в хотано-иранском языке⁵. К этому последнему фонетическому варианту наиболее близок наш бурятский термин. Но в данном случае речь идет лишь о внешнем сходстве. Попытаемся выяснить, какую семантическую нагрузку несет бурятский термин *юурэн*.

Согласно известной бурятской легенде, божественной прародительницей хори-бурятского племени была священная белая лебедь⁶, дочь царя неба Хурмуста-тэнгрия. В бурятском фольклоре она именуется Хун-Дангина («Лебедь-царица»)⁷, Хобоши хатун⁸ и т. д. Последнее имя Г. Н. Румянцев правильно отождествлял с якутским Хубай хатун («Лебедь-госпожа»)⁹ — так звали жену верховного божества якутского шаманского пантеона урун-Айыы-тойона («Белого господина»)¹⁰. Для нас большой интерес представляет тот факт, что Хун-Дангина считается хозяйкой солнца. Бурятский этнограф М. Н. Хангалов пишет: «Затем призывается хозяйка солнца и луны... „Происхождение мое из племени саган-боргутов, над луной Хал-Хатун, над солнцем Нал Хатун (госпожа?)... имя мое Хун-Дангина“»¹¹. Следовательно, хозяйкой солнца является Хун-Дангина («Лебедь-царица» или «Лебедь-госпожа», она же Нал-Хатун. Это подтверждается материалами бурятского исследователя Ц. Ж. Жамцарано, записавшего у западных, ольхонских бурят обращение к хозяйке солнца:

Нарани эжин
Налхан Юурэн хатун Төө дэй
Найман хурээтэй
Найман хултэй¹².

Хозяйка солнца
Ласковая Юурэн царица-бабушка,
Имеет восемь оград и
Восемь ног.

Слово *налхан* образовано от *нал* — «ласковый» и уменьшительного суффикса *хан*. Имя хозяйки солнца госпожи Нал употреблено с эпитетом *юурэн*. Аналогичное обращение встречаем и у самых восточных, агинских хори-бурят:

Наян найман хурээтэй
Найман дабхар туяатай,
Налхан буурал эжы.
Ерэ юэн хурээтэй,
Юэн дабхар туяатай,
Алма буурал нара
Нара нара гарбал,
Налхан Юурэн эжыһээ
амалбаби¹³.

Восемьдесят восемь оград имеющая,
Восьмилучевое сияние имеющая,
Ласковая седая мать.
Девяносто девять оград имеющий,
Девятилучевое сияние имеющий,
Ущербный седой месяц.
Солнце и луна — наши предки.
От имени ласковой Юурэн матери
призываю.

³ Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка. — «Якутско-русский словарь». М., 1972, с. 602.

⁴ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, с. 33.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 407.

⁶ Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962, с. 148.

⁷ М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — Собр. соч., т. I. Улан-Удэ, 1958, с. 350.

⁸ Г. Н. Румянцев. Указ. раб., с. 150, 151.

⁹ Там же, с. 163.

¹⁰ А. П. Окладников. История Якутской АССР. М.—Л., 1955, с. 266.

¹¹ М. Н. Хангалов. Указ. раб., с. 350.

¹² Ц. Жамцарано. Дневник 1903 г., тетр. № 2, с. 35. — Архив Ин-та востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 68, оп. 1, № 40.

¹³ Н. Н. Поппе. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. — «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. XXI, М.—Л., 1936.

Из приведенных примеров видно, что термин *юурэн* тесно связан с именами Нал эжы (төөдэй) — «бабушка» и Хун-Дангина («Лебедь-царица»), которые носит одна и та же богиня — хозяйка солнца и прародительница бурят. Поэтому у бурят, как и у древних тюрков и современных якутов, термин *юурэн*, очевидно, означает «светлая», «священная». Следует заметить в этой связи, что слово «лебедь» в бурятском языке табуировано, взамен его чаще всего употребляется выражение *сагаан шубуун* — «белая птица». Примечательно, что и древние тюрки лебедь называли *ürün qus* («светлая птица») ¹⁴, видимо, по той же причине. Термин *юурэн* (*урун*) не встречается у большинства современных тюркских и монгольских народов. Он сохранился лишь в культовой терминологии якутов и бурят, представителей некогда самой крайней северной периферии великой кочевой культуры Центральной Азии, созданной далекими предками алтайских народов. Этот термин означал «светлый», «благородный», «священный», но не «белый» в прямом значении. Для обозначения понятия белый тюркские народы пользуются словом *ак*, а монгольские — *сагаан*.

Монгольское слово *уур* — «рассвет, зоря» первоначально не имело долготы. О. М. Ковалевский, ссылаясь на Санан-Сецен'а в своем словаре дает написание этого термина *ür*, а в более поздних словарях встречаем *йür* ¹⁵, но не *эгуур*, как, казалось бы, следовало по законам старомонгольского письменного языка. В термине *йür* нетрудно увидеть корневое слово термина *уур+н*. И в сущности, оба термина имеют одно семантическое значение: «светлый», «свет», «рассвет», «утренняя зоря».

Звезда утренней зари Венера была некогда особо почитаемым всеми бурятами божеством ¹⁶. В монгольских языках ее имя — Солбон (Цолмон), идентичное Чолпон тюркских языков, всегда употребляется с эпитетом *хуа* — *Хуа Солбон* ¹⁷. Слово *хуа* происходит от тюркского *хува* (*хуба, куба*) — «лебедь». Эта тотемная птица хори-бурят, как мы видели выше, имеет устойчивый эпитет *юурэн* — «светлая»; в свое время она несомненно входила в число наиболее почитаемых божеств древнейшего религиозного комплекса, связанного с культом плодородия. Так что и этот факт подтверждает генетическое родство двух рассматриваемых терминов и их принадлежность к древней культовой лексике алтайских народов.

Корень *ür* восходит, по нашему мнению, к дотюрко-монгольскому $\theta : p/\delta : r$. Э. В. Севортян приводит его основные варианты, бытующие в современных тюркских языках: *ур/ür, урь/ür, йур/йür; ø : p/\delta : r, øр/ør; øре/øre, уру/ürü*. Значения их можно свести к следующим: 1) вверх, подниматься вверх, восходить (о солнце); 2) сияние, зарево, рассвет, огонь, пламя, пожар; 3) всход, давать росток (о траве); 4) умножаться, возрастать в числе (количестве), приносить детенышей; 5) разбредаться, двигаться вверх (массой), расходиться (ночью для пастбы — о стаде); 6) колонна ¹⁸. И если мы приведенные значения спроецируем на рассматриваемые термины *уур* — «рассвет, зоря» и *юурэн* (*урун*) — «светлейшая богиня утренней зари», то обнаружим, что все они семантически сближаются и объединяются в этом мифологическом образе. Здесь вырисовывается образ восходящей сияющей богини, имеющей прямое отношение к культу плодородия древних скотоводческих племен. Это дошаманское божество с явными чертами тотемизма в древности, по всей вероятности, почиталось как одно из самых высших божеств кочевых

¹⁴ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, с. 627.

¹⁵ О. М. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. I. Казань, 1844, с. 577. Ср. К. О. Голстунский. Монгольско-русский словарь, т. 1—3. СПб., 1895, с. 259; F. Lessing. Mongolian-English Dictionary. Berkeley — Los Angeles, 1960, p. 1010—1014.

¹⁶ Г. Спасский. Буряты или братские. — «Сибирский вестник», ч. I. СПб., 1824, с. 66.

¹⁷ «Летописи хоринских бурят», в. 1. — «Хроники Тугулдур Тобоева и Вандан Юмсунова». М. — Л., 1935, с. 59.

¹⁸ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 542—552.

скотоводов Центральной Азии, но со временем было отодвинуто на второй план, а потом и вовсе вытеснено новыми религиозными верованиями, в частности шаманизмом и буддизмом.

Производными от терминов *юурэн* и *уур* являются омоформы *уури* (название месяца) и *уури* — «ровесник». Рассмотрим первую из них.

Более 100 лет назад была опубликована статья Д. Банзарова «Белый месяц. Празднование Нового года у монголов», в которой рассматривается термин «Белый месяц». «Происхождение названия „белый месяц“, — пишет он, — толкуют различно; так как этот праздник в старину совершался осенью (выделено нами. — Д. Д.), то надобно думать, что название это произошло от слова „цага“ (творог), потому, что осенью, когда скотина мало доставляет молока, начинают есть творог. Поэтому „цагаан сара“ можно переводить: „творожный месяц“ или „белый месяц“»¹⁹.

В правильности предложенного Банзаровым толкования никто до сих пор не усомнился, хотя термины *цагаан сара* («белый месяц») и *сагаа* («творог») не имеют ничего общего.

Летом 1975 г. в с. Урда-Ага кузнец-пенсионер местного колхоза Сэбээн-Доржо Цыренжапов (1909 г. р.) рассказал мне, что раньше, еще во времена его деда или прадеда, буряты встречали Новый год осенью, в начале месяца *уури*, т. е. в ноябре. В этот день рано утром хозяин дома сооружал из чистого белого снега перед юртой нечто вроде жертвенника. На него ставили тарелку с лучшими яствами и всевозможными лакомствами, здесь же на жертвеннике зажигалась лампадка («зула»). Рядом расстилали чистую белую кошму. Хозяин становился на нее на колени и молился по старому бурятскому обычаю утренней заре и восходящему солнцу²⁰. Далее все происходило так, как это описано у Д. Банзарова.

Цагаан сар справляли и калмыки, но не как Новый год, а как праздник весны в феврале — марте, а Новый год (*Зул*) они встречали в конце ноября или в начале декабря²¹. Здесь мы видим явное совпадение времени празднования Нового года у бурят и калмыков. Впоследствии у калмыков празднование Нового года было перенесено в соответствии с ламанистским обрядом Цзул-хурал, который совершался 24-го числа «первой зимней луны»²².

Итак, до принятия буддизма монголы, калмыки и буряты праздновали Новый год глубокой осенью, в месяце *уури*. И в этом, третьем по счету термине мы опять встречаемся с корневым словом *уур*, с тем же, очевидно, широким значением — «белый», «светлый», «священный», «рассвет», «заря». Кому и для чего понадобилось переносить веками установившееся традиционное осеннее празднование Нового года монголов? Д. Банзаров пишет: «До принятия буддизма монголы Новый год свой начинали, как уже сказано выше, осенью (так делают ныне буряты не буддисты), и белый месяц у них не имел никакого исторического значения. Когда буддизм проник в Среднюю Азию, — что случилось в половине XIII столетия, — то ламы ввели в употребление между номадами свой календарь, перенесли (выделено нами. — Д. Д.) белый месяц к концу зимы и соединили его с воспоминаниями своей веры»²³. Комментарии, как говорится, излишни. Однако заметим, что ламам понадобилось такое перенесение для того, чтобы, приурочив этот единственный праздник монголов к знаменательной для буддизма дате, иметь возможность ежегодно при огромном стечении народа в монастырях проповедовать свою веру, напоминая при этом народу о великой победе, одержанной Гаутама Шакьямуни, и тем самым предотвращать любое влияние инако-

¹⁹ Д. Банзаров. Собр. соч. М., 1955, с. 42.

²⁰ Полевые записи автора, февраль — июль, 1975 (хранятся у автора).

²¹ «Очерки истории Калмыцкой АССР». М., 1967, с. 409, 410.

²² А. Н. Кочетов. Ламаизм. М., 1973, с. 155.

²³ Д. Банзаров. Собр. соч., с. 44.

верия. Поэтому и само название языческого, с точки зрения ламаизма, праздника, напоминавшее о языческом «светлом» божестве, необходимо было искоренить из памяти народной. Вот почему понадобилась ламам эта безобидная на первый взгляд калька: *уури* < *урун* — «светлый, белый» и *сагаан* — «белый». Следует еще заметить, что в старобурятском лунном календаре нет месяца *сагаан хара* — «белый месяц», но есть месяц *уури хара* — «светлый месяц» или, точнее, «месяц Светлейшей богини утренней зари» (в последнем случае *уури* — родительный падеж от *уур* — «рассвет», «заря»).

Теперь несколько слов о термине *уури* — «ровесник». Монголы и буряты не справляли день своего рождения каждый в отдельности, как это делают сейчас, а в первый день Нового года (*сагаалган*‘а) все прибавляли один год к своему возрасту. Эта традиция идет еще с тех далеких добуддийских времен, когда в первый день месяца *уури* монголы и буряты праздновали свой Новый год, прибавляя год и себе, и скоту ²⁴.

В этот день, например, все 18-летние становились 19-летними, 19-летние — 20-летними и т. д., и эти люди назывались *уури* — «одногодки», «ровесники». Так, слово *уури*, означавшее месяц Светлейшей богини утренней зари и день празднования Нового года, еще в глубокой древности получило второе значение — «ровесник». Таким образом, все рассмотренные здесь термины: *юурэн*, *уур* и *уури* — имеют общее происхождение. Они восходят к древнетюркскому культовому термину *ürun* — «светлый», «белый», а последний, в свою очередь, — к дотюрко-монгольскому, алтайскому корню *ө* : *p/öp/ür*. Что же касается начального *j* в термине *юурэн*, то его, очевидно, надо считать протезой.

²⁴ Г. Ц. Цыбиков. Цагалган. — «Бурятияведение», Верхнеудинск, 1927, № 3—4, с. 71; см. Б. Д. Цыбиков. Цагалган, проведенный по-новому. — «Этнографический сборник БКНИИ СО АН СССР». Улан-Удэ, 1961, № 2, с. 20.